

реговоров обрели права гражданства в арсенале средств всех дипломатических служб. Крупнейший византийский писатель, историк и политический деятель конца XII — начала XIII в. Никита Хониат писал как о новом, удручающем и опасном явлении о нарушении высшей властью и народом империи нравственных принципов. По мнению писателя, недостойное истинного христианина вероломство стало причиной того, что «ромеи ненавидимы всеми народами» (*Nic. Chon. Hist. P. 642.84—85*). Но прошло всего 10—15 лет, и со страниц трудов младших современников Никиты Хониата исчезают моральные оценки политических акций и своих, и чужих правителей. Все средства оказывались хороши для достижения цели. Георгий Акрополит (1217—1282), продолжатель «Истории» Никиты Хониата, уже превозносил Иоанна III Ватаца за то, что он где силой, где через договоры и брачные связи, а где с помощью обмана и подкупа сумел овладеть обширными территориями (*Acrop. I. P. 103 sq.*).

Столь резкие перемены в приемах дипломатии отнюдь не означали, что политические (в том числе дипломатические) традиции времен Македонской и Комниновской династий утратили всякую ценность. Дипломаты Никейской империи были убеждены, что при дворе Феодора II Ласкариса строжайше соблюдались традиционный имперский порядок и дипломатический этикет. Георгий Акрополит, великий логофет, дипломат, историк, противопоставлял эти порядки как идеальные порядкам при дворе эпирского деспота, лишенным гармонии, пронизанным произволом, скорее варварским («болгарским»), чем ромейским (*Ibid. I. P. 37*). (Схваченный по приказу эпирского правителя Георгий несколько месяцев томился в тюрьме.) Акрополит приходит, однако, в противоречие с собой, оценивая политику и дипломатию Ивана Асеня II, царя Второго Болгарского царства. Византийский дипломат сообщает, что именно этот болгарский правитель не считал возможным дальше полагаться на клятвы и договоры, заключенные с византийцами — с императором Фессалоники Феодором Ангелом; он шел в битву с ним, прикрепив к знамени письменную клятву Феодора, им нарушенную. Пленных простых византийских воинов он отпустил, к греческому населению проявлял человеколюбие, и «все ему подчинялись, оказываясь в его власти... а поэтому его любили не только ромеи, но и другие иноплеменники». Более того, когда Иван Асень II неожиданно для Иоанна III Ватаца, императора Никеи, разорвал союз с ним и, попросив у Ватаца свидания с дочерью, обрученной с наследником Никейского престола, насильно увез ее в Тырново, надеясь усилить свои позиции в борьбе за Константинополь через союз с латинянами, он горько раскаивался за свое вероломство: болгарский царь искренне верил, что поразившая Болгарию чума (от нее умерли также его жена, сын и патриарх Тырнова) была «карой господней» за клятвopеcтупление. Иван Асень II возобновил договор с Ватацем (*Ibid. I. P. 42—43, 52—53, 57, 64*). Сравнив отзывы Акрополита о политике и дипломатии Иоанна Ватаца и Ивана Асеня, следует, вероятно, признать, что этот видный византийский дипломат не против соблюдения моральных норм в отношениях с иноземцами, но и он сторонник принципа «цель оправдывает средства» («победителя не судят»).

Следует все-таки заметить, что византийские дипломаты и политики Никеи и Эпира старались в целом избегать при дипломатических маневрах, сколь бы острой ни была обстановка, вступать в военные союзы с императорами Латинской империи и с правителями ее вассальных латинских княжеств: приходилось учитывать позицию своих подданных, настроенных непримиримо «антипапистски», — такие союзы дискредитировали бы идею отвоевания Константинополя и могли быть восприняты как отступничество от ортодоксии⁴. Михаил VIII Палеолог, восстановитель империи, отвоевавший древнюю столицу, вернувший под свой скипетр значительные территории в Эпире и Македонии, в Греции и на Пелопоннесе, потерял всякое доверие и популярность среди подданных, заключив Лионскую унию (1274 г.). Самое большее, на что шли греческие правители в отношениях с обосновавшимися на византийской земле латинянами, — это перемирие, прекращение — по взаимному согласию — военных действий и определение временных границ между владениями обеих стран (Нимфейский мир 1214 г., договор 1225 г., соглашение Михаила II Эпирского с князем Ахайи в 1258 г. и др.). Сыгравшие в целом положительную роль в упрочении Никейской империи дипломатические маневры Феодора I Ласкариса (его женитьба на дочери Иоланты, жены законного, но погибшего на пути к трону наследника константинопольского престола, и его временное соглашение с

⁴ *Ducellier A. Byzance et le monde orthodoxe. P., 1986. P. 223—295.*